

НА ЗАРЕ

Заревом заката даль небес объята,
Речка голубая блещет, как в огне;
Нежными цветами убраны богато,
Тучки утопают в ясной вышине.
Кое-где, мерцая бледными лучами,
Звездочки-шалуньи в небесах горят.
Лес, облитый светом, не дрогнет ветвями,
И в вечерней неге мирно нивы спят.
Только ты не знаешь неги и покоя,
Грудь моя больная, полная тоской.
Что ж тебя волнует? Грустное ль бывшее
Иль надежд разбитых безотрадный рой?
Заползли ль змеею злобные сомненья,
Отравили веру в счастье и людей,
Страсти ли мятежной грезы и волненья
Вспыхнули нежданно в глубине твоей?
Иль, в борьбе с судьбою погубивши силы,
Ты уж тяготишься этою борьбой
И, забыв надежды, мрачно ждешь могилы,
С малодушной грустью, с желчною тоской?
Полно, успокойся, сбрось печали бремя:
Не пройдет бесплодно тяжкая борьба,
И зарею ясной запыхает время,
Время светлой мысли, правды и труда.

Апрель 1878

* * *

Не весь я твой — меня зовут
Иная жизнь, иные грезы...
От них меня не оторвут
Ни ласки жаркие, ни слезы.

Любя тебя, я не забыл,
Что жизни цель — не наслажденье,
В душе своей не заглушил
К сиянью истины стремленье,

Не двинул к пристани свой челн
Я малодушною рукою
И смело мчусь по гребням волн
На грозный бой с глубокой мглою!

3 июня 1878

* * *

Блещут струйки золотые,
Озаренные луной;
Льются песни удалые
Над поверхностью речной.
Чистый тенор запекает
«Как на Волге на реке»,
И припевы повторяет
Отголосок вдалеке.
А кругом царит молчанье,
И блестящей полосой
Золотой зари сиянье
Догорает за рекой.

3 июля 1878

* * *

Минуло время вдохновений
И с ним отрадных звуков рой,
И ряд вопросов и сомнений
Один царит в душе больной.

Вся жизнь с ее страстями и угаром,
С ее пустой, блестящей мишурой
Мне кажется мучительным кошмаром
И душной, роскошной тюрьмой.

18 июля 1878

РОМАНС

Я вас любил всей силой первой страсти.
Я верил в вас, я вас боготворил.
Как верный раб, все иго вашей власти
Без ропота покорно я сносил.

Я ждал тогда напрасно состраданья.
Был холоден и горд ваш чудный взгляд.
В ответ на яд безмолвного страданья
Я слышал смех и колких шуток ряд.

Расстались мы — но прежние мечтанья
В душе моей ревниво я хранил
И жадно ждал отрадного свиданья,
И этот час желаемый пробил.

Пробил, когда, надломанный судьбою,
Устал я жить, устал я ждать любви
И позабыл измученной душою
Желания разбитые мои.

23 июля 1878

ХРИСТИАНКА

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Пушкин. Руслан и Людмила

1

Спит гордый Рим, одетый мглою,
В тени разросшихся садов;
Полны глубокой тишиною
Ряды немых его дворцов;
Весенней полночи молчанье
Царит на сонных площадях;
Луны капризное сиянье
В речных колеблется струях,
И Тибр, блестящей полосой
Катясь меж темных берегов,
Шумит задумчивой струею
Вдаль убегающих валов.
В руках распятие сжимая,
В седых стенах тюрьмы сырой
Спит христианка молодая,
На грудь склонившись головой.
Бесплодны были все старанья
Ее суровых палачей:

Ни обещанья, ни страданья
Не сокрушили веры в ней.
Бесчеловечною душою
Судьи на смерть осуждена,
Назавтра пред иным судьёю
Предстанет в небесах она.
И вот, полна святым желаньем
Все в жертву Небу принести,
Она идет к концу страданья,
К концу тернистого пути...

И снятся ей поля родные,
Шатры лимонов и дубов,
Реки изгибы голубые
И юных лет уютный кров;
И прежних мирных наслаждений
Она переживает дни, —
Но ни тревог, ни сожалений
Не пробуждают в ней они.
На все земное без участия
Она привыкла уж смотреть;
Не нужно ей земного счастья —
Ей в жизни нечего жалеть:
Полна небесных упований,
Она без жалости и слез
Разбила рой земных желаний
И юный мир роскошных грез, —
И на алтарь Христа и Бога
Она готова принести
Все, чем красна ее дорога,
Что ей светило на пути.

Поднявшись гордо над рекою,
Дворец Нерона мирно спит;
Вокруг зеленою семьею
Ряд стройных тополей стоит;
В душистом мраке утопая,
Спокойной негой дышит сад;
В его тени, струей сверкая,
Ключи студёные журчат.
Вдали зубчатой полосой
Уходят горы в небеса,
И, как плащом, одеты мглою,
Стоят священные леса.

Все спит. Один Альбин угрюмый
Сидит в раздумье у окна...
Тяжелой, безотрадной думой
Его душа возмущена.
Враг христиан, патриций славный,
В боях испытанный герой,
Под игом страсти своенравной,
Как раб, поник он головой.
Вдали толпы, пиров и шума,
Под кровом полночи немой
Все та же пламенная дума
Сжимает грудь его тоской.
Мечта нескромная смущает
Его блаженством неземным,
Воображенье вызывает
Картины страстные пред ним,
И в полумгле весенней ночи
Он видит образ дорогой,

Черты любимые и очи,
Надежды полные святой.

3

С тех пор как дева молодая
К нему на суд приведена,
Проснулась грудь его немая
От долгой тьмы глухого сна.
Разврат дворца в душе на время
Стремленья чистые убил,
Но свет любви порока бремя
Мечом карающим разбил;
И, казнь Марии изрекая,
Дворца и Рима гордый сын,
Он сам, того не сознавая,
Уж был в душе христианин;
И речи узницы прекрасной
С вниманьем жадным он ловил,
И свет великий веры ясной
Глубоко корни в нем пустил.
Любовь и вера победили
В нем заблужденья прежних дней
И душу гордую смутили
Высокой прелестью своей.

4

Заря блестящими лучами
Зажглась на небе голубом,
И свет огнистыми волнами
Блеснул причудливо кругом.
За ним, венцом лучей сияя,

Проснулось солнце за рекой
И, светлым диском выплывая,
Сверкает гордо над землей...
Проснулся Рим. Народ толпами
В амфитеатр, шумя, спешит,
И черни пестрыми волнами
Цирк, полный доверху, кипит;
И в ложе, убранной богато,
В пурпурной мантии своей,
Залитый в серебро и золото,
Сидит Нерон в кругу друзей.
Подавлен безотрадной думой,
Альбин, патриций молодой,
Как ночь, прекрасный и угрюмый,
Меж них сияет красотой.

Толпа шумит нетерпеливо
На отведенных ей местах,
Но — подан знак, и дверь визгливо
На ржавых подалась петлях, —
И, на арену выступая,
Тигрица вышла молодая...
Вослед за ней походкой смелой
Вошла с распятием в руках
Страдалица в одежде белой,
С спокойной твердостью в очах.
И вмиг всеобщее движенье
Сменилось мертвой тишиной,
Как дань немого восхищенья
Пред неземною красотой.
Альбин, поникнув головою,
Весь бледный, словно тень, стоял...

.....
.....
И вдруг пред стихнувшей толпою
Волшебный голос зазвучал:

5

«В последний раз я открываю
Мои дрожащие уста:
Прости, о Рим, я умираю
За веру в моего Христа.
И в эти смертные мгновенья,
Моим прощая палачам,
За них последние моления
Несу я к горним небесам:
Да не осудит их Спаситель
За кровь пролитую мою,
Пусть примет их святой Учитель
В свою великую семью,
Пусть светоч чистого ученья
В сердцах холодных он зажжет
И рай любви и примиренья
В их жизнь мятежную прольет!..»

Она замолкла, и молчанье
У всех царило на устах;
Казалось, будто состраданье
В их черствых вспыхнуло сердцах...

.....
Вдруг на арене пред толпою
С огнем в очах предстал Альбин
И молвил: «Я умру с тобою...
О Рим — и я христианин...»

Цирк вздрогнул, зашумел, очнулся,
Как лес осеннею грозой, —
И зверь испуганно метнулся,
Прижавшись к двери роковой...

Вот он крадется, выступая,
Ползет неслышно, как змея...
Скачок... и, землю обагрив,
Блеснула алая струя...

Святыню смерти и страданий
Рим зверским смехом оскорбил,
И дикий гром рукоплесканий
Мольбу последнюю покрыл.

Глубокой древности сказанье
Прошло седые времена,
И беспристрастное преданье
Хранит святыя имена.
Простой народ тепло и свято
Сумел в преданье сохранить,
Как люди в старину, когда-то,
Умели верить и любить!..

31 июля 1878

* * *

Ты уймись, кручинушка, смолкните, страдания:
Не вернуть погибшего жгучею слезой,
И замрет без отзыва крик негодования, —
Крик, из сердца вырванный злобою людской.

Не поймут счастливые горя и мучения,
Не спасут упавшего братскою рукой,
И насмешкой едкою злобного презрения
Заклеймят разбитого жизненной грозой.

А кругом надвинулась ноченька глубокая,
Без просветов счастья, без огня любви,
И железным пологом эта мгла жестокая
Давит силы гордые и мечты мои.

7 октября 1878

ПРИЗЫВ

Покуда грозно ночь глухая
Царит над сонною землей
И лишь вдали заря золотая
Горит отградной полосой,
Покуда мысль в оковах дремлет,
Покуда видят стыд в труде,
Покуда человек не внемлет
Призыву к свету и борьбе,
О муза, светлый мир мечтаний
И песен счастья резвый рой
Забудь для горя и страданий,
Для битвы с непроглядной мглой.
Пускай твои святые звуки
Борцов уставших оживят
И в их сердцах тоску и муки
Надеждой светлой заменят.
И грозный крик негодованья,
Промчавшись звучно над толпой,
Подымет светлое сознание
И знамя истины святой.
Туда, борцы, под это знамя,
Вперед уверенной стопой!
Пускай любви и веры пламя
Во мгле согреет вас собой.

Вперед, борцы, на бой жестокий
За свет великий и святой
Со мглой, тяжелой и глубокой,
С мертвящей, безотрадной мглой!

24 октября 1878

* * *

Я чувствую и силы, и стремленье
Служить другим, бороться и любить;
На их алтарь несу я вдохновенье,
Чтоб в трудный час их песней ободрить.
Но кто поймет, что не пустые звуки
Звонят в стихе неопытном моем,
Что каждый стих — дитя глубокой муки,
Рожденное в раздумье роковом;
Что каждый миг «святого вдохновенья»
Мне стоил слез, невидных для людей,
Немой тоски, тревожного сомненья
И скорбных дум в безмолвии ночей?!

1878